

Алексей
Покотиллов

Стихи

Туча летучая

Алексей Васильевич Покотилов

Туча летучая. Стихи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24603558

Туча летучая. Стихи / А.В. Покотилов: Алгоритм; Москва; 2018

ISBN 978-5-907028-12-8

Аннотация

Когда поэт ощущает высокие душевные порывы, он в рифмованной форме выражает свои желания и стремления, мечты и надежды. И тогда его стихи, как дань высокому искусству, пленяют душу читателя, унося в мир самых трепетных чувств и необычайно ярких фантазий. Поэту вольно войти в любую мысль, в любой момент, в любую пору года...

Море пахнет рыбьим жиром

И агар-агаром.

Солнце пенится пружинно,

Пачкает загаром.

Поэт невидимый и словно бы говорящий наедине с самим собой, слышим всему миру и каждому в отдельности, — стоит только взять в руки его книгу. В этом и ранимость, и обособленность, и гениальность истинного Поэта. И только он знает, что:

В тоннели слов есть незаметный вход —

Вдох-выдох — ты уже внутри!

Поэтому можем сказать с уверенностью: тот, кто так пишет, вносит огромную лепту в духовный рост всего нашего общества. И с трепетной радостью рекомендуем вам новую книгу талантливого автора Алексея Покотилова.

Содержание

Туча летучая	6
«Что ж ты жизнь моя, туча летучая...»	6
«Мы так в безумии вольны...»	8
«Вороний крик сквозь чёрные деревья...»	9
«Не мытарь меня, Серёжа, не мытарь...»	11
«Море пахнет рыбьим жиром...»	13
«Здесь – обиталище, здесь – кров...»	15
«Ночь проползла, рассвет пропрыгал...»	16
«Туман, террасу отрезая...»	18
«К нам музыка летит из Млечного Пути...»	20
«Мне одиночество давно не по плечу...»	21
«Встряхнуло море мирно волны...»	22
«Ловкий ловчий Ваших пальцев...»	23
«Сухой глоток твоей улыбки...»	24
«Я в этот мир, конечно не пришёл...»	25
«Залетучил ветер...»	26
«Желаний наших карусель...»	27
«Мы в юности уверены...»	28
«Пора к дельфинам – рыбу есть сырую...»	29
«Виниловых пластинок геометрия...»	30
«Порой тоска на этом нижнем Свете...»	32
«Рояль блестел и зубоскалил...»	33
«За что вы любите стихи...»	34

«В твоей покорной наготе...»	36
«Чем старше, тем спина круглей...»	37
«Тяжёлый сон меня сжимает в атом...»	38
«В протянутой руке...»	40
«Вперёд, назад...»	41
«Однажды, отринув заботы...»	42
«Я тебя целовал...»	43
«Вот и осень подмела...»	44
«Средневековое нытьё...»	45
«Лицо – не моё и слова – не мои...»	46
«Слой за слоем смывается радуга...»	47
«Нас единит и углеродная кастрюля...»	49
«Улыбка нежного цинизма...»	50
«Быть у гения судьбой, почти секретарём...»	51
«Посмеёмся над краткостью тел...»	52
«Стекло-бетонный куб...»	53
«Пугливо спину выгибая...»	54
«Распадался измученный ливень...»	55
«Дробный стрёкот сердитого града...»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Покотиллов

Туча летучая. Стихи

Туча летучая

«Что ж ты жизнь моя, туча летучая...»

Что ж ты жизнь моя, туча летучая,
Всё прозрачней с высотными призмами!
Я собой тебя больше не мучаю
От того, что тобой почти признанный.
Ты – моя, но не вся исключительно —
Под ступнями – щекотка скольжения.
Задышаться ли,
ног волочить ли нам,
Это – сумма чужого сложения.
Что ж ты жизнь моя, вера не вербная,
На меня и себя половиניшься?
Нас обоих когда-нибудь свергну я,
Если будущего не подкинешь нам!
Станем оба с тобой незрячими,
Станем оба с тобой оглохшими.

Вот глаза друг от друга и прячем мы —
Не остывшими, не просохшими.
Что ж ты жизнь моя, туча летучая,
Всё прозрачней с высотными призмами?
Я тобой себя попусту мучаю,
Ни тобой, ни собой не признанный.

«Мы так в безумии вольны...»

1917–2017

Мы так в безумии вольны,
Что жить не можем без войны.
Мечты расплёсканную просинь
Столетняя пустая осень
Накрыла прелым одеялом;
Сердца довольствуются малым;
Эпоха гениев угасла,
В лампадах не оставив масла.
Мы как потерянные дети,
Бесчинствующие на планете,
Прожить не можем без войны —
Мы так в безумии вольны!

«Вороний крик сквозь чёрные деревья...»

Вороний крик сквозь чёрные деревья,
Сквозь мокрый снег на чёрный косогор,
Летящей дымки низовые перья —
Не предвещают светлый разговор.
Ещё белеют вянущие хлопья.
Ещё не слышно музыки тепла.
Сгибает стылость мнимая, холопя,
Деревья, тянущих свои тела.
Голодным зверем втягиваю воздух —
Ищу откуда тянет очагом.
Я помню путь,
дойду,
ещё не поздно.

Там печка с раскалённым утюгом
И прошлый век, и прошлое – не резко,
И в клочьях звуков тени по углам...
Несёт, несёт покадрово нарезка
Назад, к уже далёким берегам:
На подоконниках мир с деревцами,
На веточках стеклянных птиц хвосты,
Пластинки зов балетными дворцами —
Туда, туда – где берега круты.
Я помню путь,

но больше нет дороги:

Не я в пути, а сумерки в пути.

Я заблудился, как один из многих.

Да что пути, тропинки не найти.

Кора, прижми к стволу мои ладони,

Я буду тихим краешком ствола

И с ветром, в одеревенелом стоне,

Перетеку в древесные тела —

В них не бывает рано или поздно,

В них печка с раскалённым уюгом

И прошлый век, остановивший воздух,

Над замершим, но тёплым очагом.

«Не мытарь меня, Серёжа, не мытарь...»

Не мытарь меня, Серёжа, не мытарь.
Мы с тобой дворяне из дворовых.
Нас отправит на гумно, как встарь,
Покормив на кухне – тот, из новых,
Кто сегодня млея в собственном соку —
Из вчерашних ожиревших нищих —
Тянет синь, упавшую в реку
На десерт, после приёма пищи,
А в малиновое поле кол забил,
Размечая лежбища границы.
Дед его здесь моего убил
За кусок распаханной землицы.
И ты тоже – им же убиенный дед,
Не спасён ни ситцем, ни мерлушкой.
Но вечерний несказанный свет
Всё струится над твоей избушкой.
Не мытарь меня, Серёжа, не мытарь.
Мы с тобой дворяне из дворовых.
Не привыкнуть нам к улыбкам харь
С их ампирной скромностью столовых.
Время – красного пустить им петуха.
Время – кровью напоить дубравы,
Чтоб вечерняя струилась трубуха,

Несказанным светом метя травы!
В этих травах дышит Мандельштам,
В этих травах Хлебникова числа,
А терзавший их освобождённый хам,
Не находит в несъедобном смысла.

«Море пахнет рыбьим жиром...»

Море пахнет рыбьим жиром
И агар-агаром.

Солнце пенится пружинно,
Пачкает загаром.

Мы давно уже туземцы
В зелени песочной.

Моё сердце, твоё сердце
Слиты с этой почвой.

Мы имён своих не знаем, —
Нам их не давали,

Унесённым этим краем
В чистые скрижали.

Море тянет, колыбелит,
Всхлипывает стансы;

Море слизывает берег,
Слизывает шансы

Возвратиться.

Нам награда —

Утонуть в потоке!

Над коралловой рассадой
Солнечные токи

Растворяют, растирают,
Размывают лица...

Только море влажным раем
Не даёт накрыться —

Тянет медленно по кругу
И несёт к прибою,
Твою руку в мою руку,
К млеющему зною.
Что ж вы, древние глубины,
Нас отвергли?

Что же

Наши преданные спины
Не достойны ложа?
Нам бы пахнуть рыбьим жиром
И агар-агаром,
Нам бы пениться пружинно
Стёршимся загаром.

«Здесь – обиталище, здесь – кров...»

Наталии Черной-Любченко

Здесь – обиталище, здесь – кров.
А храм, маяча в буреломе,
От неуместно громких слов,
На дрёмном мается пароме.
Согнуться, съёжиться, назад —
В оставленный нелепо кокон!
Не видеть яростный парад
Кровоточащих светом окон!
Тебя прислал мне неспроста
Какой-то добрый небожитель,
Что сквозь отсутствие креста
Смог разглядеть мою обитель.
Ты стала воздухом моим,
Моим растормошённым слухом.
Теперь скрываться нам двоим
В согласных с гласными и духом.

Берёза, отслоив полено,
День выжигает в пепел лунный.
Жизнь – погремушка для незрячих,
Где каждый вписан и залистан.
Мы от себя себя же прячем,
Страшась узнать в себе статистов.

«Туман, террасу отрезая...»

Туман, террасу отрезая
От исчезающей стены,
Дрожащей палевостью края
Моей касается спины,
Толкая к плещущему полю
Видений крадущихся толп.
Почти восторженно позволю,
Чтобы во мне проснулся волк,
Бегущий, в поисках добычи,
На признак запаха, на знак,
Не пользуясь подсказкой птичьей,
Вдыхая каждый звук и злак:
Искать следы твои земные,
Вдыхать твою земную плоть.
Туман порежу на ремни я,
Себя позволю распороть
Видениям густым и тихим —
Пусть заживёт во мне обман.
И перестану быть я диким,
И стану лёгким, как туман,
Презрев гармонию скандала —
Зудящий вагнеровский слог.
Жить без тебя мне не пристало
В тумане, превращённом в смог.
Замри.

Вернёмся в наши ноты
Звонящей призрачной тоски,
Где снова понимаешь кто ты —
Собой разорванный в куски.

«К нам музыка летит из Млечного Пути...»

К нам музыка летит из Млечного Пути,
Скользя по пальцам пианиста.
Создатель правый, запрети
Нам доводить её до свиста!
Пустоты композиторских голов
Ты разрешил от недостатка глины,
Учёл, как Высший Богослов,
Своих же собственных основ
Всей мирозданческой картины.
Учёл?

Вдохни же в наши черепа
Сомнение, смирение, старание —
Возможно, жизнь и станет не слепа,
И будем мы как те, кем были ранее —
Мы, дети Млечного Пути.
Не упусти, Создатель нас, не отпусти!

«Мне одиночество давно не по плечу...»

Мне одиночество давно не по плечу,
Не по плечу и новые земные лица.
Я прошлое в ночи новлю и золочу,
Чтоб в сумраке дневном не заблудиться.
Вдоль вздорных лестничных нетающих шагов
День полоумный пляшет летним эхом:
Манжеты, плечи, заострённость обшлагов —
Мы друг для друга нужность и помеха.
Да не гони так быстро, тополинный пух,
Клубы мгновений вдоль шумов и веток!
Не по плечу мне обрести зелёный слух,
Догнать тебя и гнать себя за ветром.
Ошеломляет невозможность позвонить
Тем, кто давно не слышит и не дышит.
Господь уснул – так утомила наша прыть
И не спасают культовые крыши.

«Встряхнуло море мирно волны...»

Встряхнуло море мирно волны,
Чуть потянулось, улеглось,
Прибрежный воздух переполнив
Полётом бабочек и ос.
Под оглушительный рассветный
Цветастый птичий перепляс,
Тысячелетне перепетый,
Давно бессмысленный для нас:
Не понимаем голос моря,
Не понимаем птичьих гамм,
Живём кирпича и забора
Всё, что по силам и зубам.
А море миру мироносит,
Зеркалит, впитывает свет —
Живёт в скользящем перекосе,
Где нам, как прежде, места нет.

«Ловкий ловчий Ваших пальцев...»

Ловкий ловчий Ваших пальцев,
Расстилающих постель —
Я кажусь Вам то скитальцем,
То хозяином земель.
Вам от этих перепадов —
То салютно, то – темно.
Застилать постель не надо,
Будем с ложью заодно.
Да и ложь ли это, разве?
Это из полночных книг —
Распридумавшийся праздник,
Расстилающийся миг.

«Сухой глоток твоей улыбки...»

Сухой глоток твоей улыбки —
На голос льющейся воды.
Твоя душа несёт убытки:
Пожалуй, встречи ей – вредны,
С согбенной нашей немотой
Коротких встреч коротких лет.
И я – забыт, но не тобой, —
Собой, как сдувшийся атлет.
Твои разбросанные вещи —
Тропинка к сумраку тепла,
Где ты, как женщина из женщин,
Следы печали замела
И уничтожила улики
Несостоявшихся минут.
Уж лучше б ты металась в крике,
А я бы лгал, что карты лгут
В пасьянсе тающей улыбки,
Под голос льющейся воды.
Моя душа несёт убытки:
Пожалуй, встречи ей – вредны.

«Я в этот мир, конечно не пришёл...»

Я в этот мир, конечно не пришёл —
Меня внесли случайным порционом,
Кто говорит «пришёл» – уже смешон,
Наивно заблуждаясь в оном.
Всё меньше слышащих стихи ушей,
Задутых ветром сытости открытий:
Земля готова вытолкать взашей
За отвержение наитий;
Она в крови настраивает звон,
Она мурлычет низкими тонами,
Она – словесный вечный зов —
Под нами, с нами и над нами.

«Залетучил ветер...»

Залетучил ветер,
 задождили тучи,
Небо прогрызая
 и роняя дождь.
Я тебе ответил,
 я тебя измучил.
Выморочь пустая —
 эта в горле дрожь.
Ты уходишь в танец,
 в переплёт балета,
Выжимая тело
 в расслоённый жест.
Мне остался сланец
 плачущего лета,
Ты сказать посмела:
 «Нет свободных мест».

«Желаний наших карусель...»

Желаний наших карусель,
На солнцепёке технологий,
Сжимает годы до недель
В стенах сияющей берлоги,
Где зимний сад – оксюморон,
Где скайп – дыхание насмешки.
Взвожу охрипший патефон —
Телепортируясь поспешно
В качели давнего двора —
К губам по-девичьи припухлым,
К воде из полного ведра,
К порывам света летней кухни,
С побегом к шепчущей реке —
К воде, теплее одеяла,
Где были так уж налегке,
Что ночь собой не обделяла.
Желаний наших круговерть
Кромсала,
 мяла,
 разносила,
Чтобы кружить и жить теперь,
Как всем владеющая сила.

«Мы в юности уверены...»

Мы в юности уверены,
Что нам весь мир – обязан,
И с первыми потерями,
Взрослеем, но не сразу.
А поцелуй из юности
Чем дальше, тем сильнее
Вбирает запах юности
Черешневой аллеи,
Ступая в мягком ягодном
Нетвёрдыми ногами...
Была пустынность благом нам,
Прохожие – врагами.
От тянущей мерцательной —
От аритмии писем —
Вздыхаем бессознательно,
Растерянно зависим.

«Пора к дельфинам – рыбу есть сырую...»

Пора к дельфинам – рыбу есть сырую,
Купаться в новых звуках, ультразвуках.
Возможно, от того я и тоскую,
Что у Земли болтаюсь на поруках.
Одежду, обувь – всё долой и оземь:
Пора домой – на волны и в глубины,
К уже прожившим и почившим в Бозе,
Слепившимся в коралловые спины.
Похоже, прошлое – неисчислимо,
Похоже, прошлое не будет прошлым,
Пока природы длится пантомима,
Пока я – часть,
пока в огонь не брошен.

«Виниловых пластинок геометрия...»

Виниловых пластинок геометрия,
То вертикально, то горизонтально,
Обложками приветливо заветрена,
Высвечивает надписи медально.
Миндальный вечер, вязко виражирован
В седилах света ржавчинкой заката —
В который раз не нами тиражирован
И под ноги мерцанием раскатан.
Босая торопливость юной женщины,
По клавишам раскрашенного пола,
Всем нотам ненаписанным завещана,
Всему, чем тон ежевечерний полон.
Но будут зимы законно сиплыми,
Углы запляшут прянично-картинно,
Вздыхая финиками, эвкалиптами,
Закат, рождая в тесноте камина.
До лета лето приютим
 на подоконниках,
Живыми изумрудинками лета
И пребывать мы будем
 в их поклонниках,
Пока нам лето не подарит цвета
Винилово-медального признания,
Мелькнувших в зеркале
 миндальных ножек,

Геометрично вечного предания
Живых, заветренных судьбой обложек.

«Порой тоска на этом нижнем Свете...»

Порой тоска на этом нижнем Свете
Зовёт намылиться на верхний – Тот.
Но это мне пока не светит,
Никто оттуда не зовёт,
Во сне являясь профилем упрёка,
Знакомого неясного лица
И с выражением пророка,
Но без тернового венца.
Что ж, покопчу на этом нижнем Свете,
Пока коптится,

пока верхний Тот

Решает.

Мне решать – не светит,
Как и предвидеть переход.
Да будет, радость звуков от пророка
Неутолима!

Да пребуду в них!

Пока во мне, без страха и упрёка,
Не зазвонит соната для глухих.

«Рояль блестел и зубоскалил...»

Рояль блестел и зубоскалил —
Топорщил клавиш твёрдый мел,
Качался видимостью скальной,
Слегка постанывал и пел.
Партер завис на беглых пальцах,
Струнящий зев втянул балкон:
Берлин, Париж, Рим, Вена, Зальцбург...
Затем – игла и граммофон.
И дальше – дольше, дольше, дольше...
До оцифровки в ноолист.
И вот Шопен – уже не Польша,
Уже – не Венгрия и Лист,
Уже и Моцарт – не от Вены,
Всех ноосфера приняла.
Рояль, коленопреклоненно,
Их свет струнит в наши тела.

«За что вы любите стихи...»

Мише и Ире Погорелым

За что вы любите стихи,
В ладони принимая книгу?
Их рифмы мнут из чепухи
И выпускают в лист на выгул,
Заимствуя, слепив своим,
Дом с заколоченной собакой,
Перед которым мы стоим,
Чтобы беспомощно поплакать.
Или возносим тот гормон,
Что лет в пятнадцать всем вещает,
Премьерным делая прогон
Борьбы с налобными прыщами.
За что Вы любите стихи,
Проглаживая ногтем строчки?
Там, на рассвете петухи
И свет от девичьей сорочки,
Как тайна от себя самой,
Почти пропетая гортанно,
А сердце отдано в раскрой
И никогда сгореть – не рано.
Ну а добравшись до вершин
Трухлявых лет, где – всё едино,
Самозабвеннейше вершим

С самим собою поединок.
И это всё – в стихи, в стихи,
В того – напрягшегося ухом,
Рифмотягучесть чепухи
Влетит певучегласным духом.

«В твоей покорной наготе...»

В твоей покорной наготе,
Земли раздумчивая сила
Нам сообщает, что мы те,
Кого являться не просила.
В кругу растений и зверей,
Между водой и облаками,
Даже спасительный хорей
Надёжно стиснут желваками.
Быть может молнии удар —
Забота от Ильи Пророка —
Нам возвратит природный дар,
Запечатлевшийся в барокко
И ренессансе, и богах
Цветущей Греции и Рима?
Как на взъерошенных бегах
Вся красота несётся мимо
И тает в женской наготе,
Вплетая тень в телесный трепет.
Странноприимно мы – не те,
Но время нас пока что терпит,
Сжимаясь, просто принимая —
Всё ждёт, когда мы пропадём.
Нам почва – масса не немая,
Пока спасаемы зверьём.

«Чем старше, тем спина круглей...»

Чем старше, тем спина круглей,
Взгляд направляя долу,
Идущий, кто среди людей,
Кто путь прокладывает к дому,
Кто с континентами кружит
В призыве слов и правил,
Тот – среди всех, тот – Вечный жид,
Так уж Господь управил.

«Тяжёлый сон меня сжимает в атом...»

Тяжёлый сон меня сжимает в атом,
Выталкивает из цветного сна —
То ли пророчество, то ли расплата,
То ли восторженность, то ли вина.
Как не мечтать и не слагать легенды,
Когда зима семь месяцев в году!
А сон во сне другому сну поведал,
Что я уже к четвёртому бреду.
Матрёшка не моих событий
Меня морочит явью голограмм —
То я везде, а то везде забыт я,
Перетекая в красочный бедлам.
Кто проживает мои ночи?
Кто правит моим сонным днём?
Кто всё закончит: скосит или сточит
Ствол, убедив стать легендарным пнём,
Как и меня – перелопатив в атом
И поместив в куски чужого сна?
Его восторги, и его расплата —
Всё не моё и не моя вина.
А где же я?
Где я потом пребуду?
В пространстве радостном или пустом?

Пока сгребаю сны в большую груду.
Возможно, кто-то разгребёт потом.

«В протянутой руке...»

В протянутой руке
Твои ключи от дома:
Уходишь налегке.
Как это мне знакомо!
Осенний перехлѣст
Светотенями ветра,
На нас глядящий дрозд
Почти что с полуметра,
С луча слетевший лист
На горб лежащей сумки...
День – карикатурист,
Минуты – передумки.
Ключи я не возьму,
Возьму тебя и сумку —
Вручу нас одному
Кривому переулку,
Да вздрогнувшим дверям,
Тебя впустившим просто
В тепло притихших драм —
На наш зелёный остров.

«Вперёд, назад...»

Вперёд, назад
К зовущему «вчера» —
В хрустящий сад
Адамова ребра.
Беги, замри
От сложностей простых,
На раз-два-три
Замажь свои холсты
И утони
На камне там, где мель,
Там, где огни
Бронзительно Клодель
Вонзила, мчась
Всегда назад вперёд
В столетний час —
Где страсти горек мёд.

«Однажды, отринув заботы...»

Однажды, отринув заботы,
В объятиях дрёмного бреда,
Спрошу я у зеркала: «Что ты
Являешь сердитого деда?
Мы что-то с тобой упустили.
Мы что-то с тобой проморгали.
А жить нам в дряхлеющем стиле —
Прилично, пожалуй – едва ли».
Холодным махну пистолетом
Туда, где скрывается сердце
И будут разрывно пропеты
От запаха пороха герцы.
И зеркало станет прозрачным,
Не будет показывать кто ты.
Не буду я рамой захвачен,
Не будет стеклянной заботы:
Я рухну в зеркальные дали,
Взлетев к ускользящей тризне,
Чтоб больше мы в них не видали
Собой отражённые жизни.

«Я тебя целовал...»

Я тебя целовал,
Ты себя отдавала.
А потом был вокзал,
Безысходность вокзала.
Было всё нипочём —
Нас гудком обвенчали,
Развернулась плечом
У меня за плечами...
Я тебя не бранил,
Ты меня не бранила.
Я тебя обронил,
Ты меня обронила.
Я тебя призывал.
Ты меня призывала.
Но оглохший вокзал,
Не вернул нам вокзала.

«Вот и осень подмела...»

Вот и осень подмела
Наши летние дела —
Захламила, зажелтила,
Превратила в слово «было».
Перемяла, залила,
Наши жаркие тела
Остудила, устыдила,
Превратила в слово «было».
Впереди – снега зимы:
Мы забудем слово «мы»
До взлохмаченного лета,
Чтобы снова вспомнить это,
Зарекаясь от зимы,
Заикаясь словом «мы».
Пригласим на вечер лето —
Унесёмся в наше «это»,
Как уносится сейчас
Этот наш осенний час.

«Средневековое нытьё...»

Средневековое нытьё
Средневековых инструментов,
Свинцовых красок забытьё —
Вдыхает ренессансный ментор;
Фортепиано, увенчав
Собой созвучия вершину,
Своим доверившись речам,
Себя сегодня завершило:
Нам верится, что это мы
Труды и муки наверстали.
Но всё в Ковчеге от кормы —
Давно разъято на детали
И пересыпано в веках
В намёках целостных значений,
Где гений – озарённый прах,
Где прах – рождающийся гений.

«Лицо – не моё и слова – не мои...»

Лицо – не моё и слова – не мои
Влетели в стекло объектива:
Давно зашифрован в чужие слои,
Неузнанный в месте разрыва.
Уткнувшись в углы, у меня за спиной,
Дома приседают от лени,
Под солнцем стекают стена за стеной,
И тают в сияющей пене.
В ушах хохотнул украинский язык —
Смешливо подпорченный русский;
Похоже, на фото мой юный двойник
И полные девичьи блузки,
Страшатся вчерашнее перешагнуть,
Растаять,
 размыться,
 стереться,
Чтоб жёлто-ползущая едкая муть
Собой не накрыла и сердце.

«Слой за слоем смывается радуга...»

Ладе Хлебас

Слой за слоем смывается радуга.

Я почти досчитал до семи.

Цифра семь, защищая и радуя,

В сизых знаках за мной семенит.

Проступает бессрочно лубочное:

Выплывает из дали лесок,

Свет является сосредоточенно,

Необъятен,

прозрачен,

высок.

Вдалеке чьи-то смирные лошади

Уплывают в парящих клубках;

Ветерок заметался всполошенно,

Застывая теплом на губах.

День жужжит, день дождём размагнитило.

Мой приют просыхающих трав

Сыплет таинствами прародителя,

Облака для меня разорвав.

Неизбывная разноголосица,

Кувыркаясь в бесстрастных страстях,

Надо мной насмехаясь, проносится,

Намекая, что здесь я в гостях,

Где накормят, займут разговорами,

Постараются друга найти.
Но вот к полночи, звякнув запорами,
Пожелают – не сбиться с пути!
Что за временность непреложная
В нашем странном присутствии здесь!
Почесть почвенная – смесь подкожная,
Семицветий бессменная смесь.

«Нас единит и углеродная кастрюля...»

Нас единит и углеродная кастрюля,
Нас единит и величайший шок —
Большая астероидная пуля
Сквозь атмосферы дырчатый мешок.
Талант и знания порой – не братья:
У каждого своя дающая рука.
Из этих рук стараюсь робко брать я,
Чтоб разглядеть в учёном дурака
Или в себе увидеть недоумка,
Бубнящего с восторгом чепуху.
Бокал, а не мензурочная рюмка
Душе проплещут всё, как на духу.
Душа и тело, видимо, едины
И умирают, превращая в пыль,
В насмешку – умудрённые седины,
В легенду – грязоическую быль.

«Улыбка нежного цинизма...»

Улыбка нежного цинизма
Вжимала в спину ногти.
Сердца подверглись остракизму
Под теплоходные гудки.
Нас пеленающая сила,
Всё туже стягивая вздох,
Так беззастенчиво месила,
Что не оставила и крох...
Уют каюты, капель талость
В иллюминаторном глазке...
И долго-долго нам казалось,
Что жизнь висит на волоске.

«Быть у гения судьбой, почти секретарём...»

Быть у гения судьбой, почти секретарём,
А потом с заоблачных взирая мест;
Быть хранителем архива, маясь в нём —
Это не для всех подъёмный крест.
Это только женщина,
 стибаясь от трудов
И себя на части разнимая всласть,
Сохраняя хрупкость берегов,
Впитывает жертвенную власть.
Матушка природа больше доверяет ей,
Намотав на гены чуть побольше дат,
Оставляет у последних ждать дверей
Долго-долго, без похвал и без наград.

«Посмеёмся над краткостью тел...»

Посмеёмся над краткостью тел,
Поколдуем над кратностью суток,
Чтобы нами уже не вертел
Так себя возлюбивший рассудок.
Оторвёмся от липких теней,
Отнесёмся от лишних и бывших,
Чтобы там, где не будет больней,
Не нашли нас ни стены, ни крыши.
Постараемся нежиться днём,
Простирая изножие ночи.
Так быстрее мы друг в друге умрём,
Очутившись в беспечном бессрочье.
Прокатаем остатки монет,
Пропитаем осколки тенями
Той страны – там, где нас уже нет,
Там, где ночи сменяются днями,
Истекают для тех, кто сейчас
Иссякает для тесных аллюзий.
Посмеёмся над нами для нас.
Поколдуем над явью иллюзий.

«Стеклянно-бетонный куб...»

Стеклянно-бетонный куб,
Легко раздавивший сруб,
Речушку в трубу закатал,
А нас заячеил в квартал:
Неглинка ли, Студенец ли —
Карикатура Венеции.
Колоратура удуший
Земле заложила уши,
Земле глаза залепило —
Стеклянно-бетонное мыло.

«Пугливо спину выгибая...»

Пугливо спину выгибая
Пурга безумная скулит.
Какая ночь!

Печаль какая!

Пространство сплошь из белых плит.
Зима играет катастрофу
Почти всерьёз, почти смеясь,
Беснуясь угрожает крову,
Разинув ледяную пасть.
Ещё немного и проглотит
Страну застенного тепла
И в устрашающей заботе
Уже почти что замела —
Укрыла покрывалом мага,
Поди попробуй-ка сыщи!
Так зло становится во благо,
Себя во гневе истощив.

«Распадался измученный ливень...»

Распадался измученный ливень,
Рассыпаясь в цветное стекло.
По плечам моим ложно-лениво
Твоих пальцев тепло истекло,
Оставляя в слюдящихся пятнах
Блёстки влажной губной немоты.
Непонятно нам, всё не понятно
И невнятно друг с трудом на «ты».
Стекленя, испарина ветра,
Наполняя подножие стоп,
Подняла, понесла незаметно,
Не заметив запутанность строп —
Опрокинула и удержала,
Закачала и вынесла в дрожь...
Назревала безжалостность жалоб
На уже очевидную ложь.
Всё – потом.

А пока – жар и влага;
В каждой клеточке кожи песка —
Веселящего взлёта отвага
Нас, промокших до волоска.

«Дробный стрёкот сердитого града...»

Дробный стрёкот сердитого града
Всполошил виноградника рёбра,
Ледяных виноградин награда
Подвывала вдоль рёбер утробно —
Всё искала изнеженных ягод,
Изнывая в полёте прицельно,
От небесных сбежавшая тягот
В сентябре – во второй понедельник.
Я прикрыл твоё тельце согбенно;
Я готов быть разрушенным, только б
Ты сочла меня собственным пленным
И зачитанной книгой на полке.
На спине моей боль танцевала:
Я – вигвам, я – палатка, я – юрта.
Для тебя я – уютность привала,
Для меня ты – полночьность приюта.
И земля приняла эту кару
На своё комковатое тело...
Что явилось подобно кошмару —
Под ногами потом захрустело.
Ты смотрела,
 ступала,
 молчала,

На плече притаился листочек,
Понимала, что – это начало,
И что вместе – тропой белых точек.
Дробный трепет сердечного града
Музицировал мерно по рёбрам
И стрекозы, в слезах винограда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.